

На уроках говорилось только о том, что Предвестники - это ужасные монстры, которых мы узнаем, как только увидим. Впрочем, это ничуть не улучшало ситуацию. То, что произошло в коридоре, было одновременно и незабываемо, и слишком ужасно, чтобы оставлять это в памяти. Даже думать об этом - все равно что выковыривать осколки стекла из мозга. Я делаю все возможное, чтобы выкинуть его из головы, но каждая мысль заканчивается вопросом, где оно сейчас и что оно может сделать.

— Ты уверена, что здесь безопасно? Действительно уверена? — с неохотой я оглядываюсь на дверь, стараясь удержать девочку в уголке глаза. Ничто не пролезало сквозь щели.

Она обводит взглядом комнату. Ее ноздри раздуваются, словно она пытается уловить запах.

— Нет. Очень трудно быть в чем-то уверенным, когда речь идет о Предвестниках, даже новорожденных.

Она закрывает глаза, слегка приоткрывает рот и издает бессловесную песню низким, завывающим воем кита. Лампочки над ее головой приобретают очень слабый лунный отблеск, который рассеивается в яркие блики, пляшущие по стенам, как солнечные лучи под водой. Через мгновение песня прекращается, но свечение остается.

— Готово, — сказала девочка, снова отдаваясь звуком прямо в моей голове. — Я защитила эту комнату от проникновения Ран. Это и мое присутствие - самое лучшее, что я могу предложить тебе сейчас. Кроме, разве что, силы для собственной защиты.

—Сила. То есть... ты... — я догадываюсь об ответе, но не могу заставить себя его произнести. Я не знаю, что мне делать, если я окажусь неправа. Если она даст мне надежду, только чтобы через несколько секунд ее разрушить... Я просто смотрю на нее и сжимаю Пёрл чуть крепче.

Девочка подносит руку к груди, как бы прикладывая ладонь к сердцу, но на конце кисти не было ладони. Вместо нее раскрывается нечто похожее на подводный цветок - семь бледных лепестков вокруг тонких голубых стеблей.

— Меня зовут Вьюджи. Я - Посланица Клаэйши, и твоя скорбь призвала меня сюда, — она разводит руки от бедер и склоняет голову, принимая почти молитвенную позу. — Твоя душа отвергает устои. Ты стоишь на границе мира, еще один шаг - и ты сможешь выйти за его пределы. Ты можешь стать Хранителем, если только захочешь.

В точности как я и думала. От внезапных ударов судьбы меня буквально парализовало. Все это происходит именно сейчас, когда еще минуту назад в ужасе я была уверена, что умру; когда я до сих пор в тревоге за свою жизнь. Вьюджи, в свою очередь, просто ждет, молча и неподвижно.

— Почему я? Если ты решила выбрать меня, то почему только сейчас? Можешь ли ты сказать мне? Ты вообще в курсе или это просто так случается? — мое зрение расплывается, когда слова

вырываются из моего горла. А ногти впиваются в мои руки.

Вьюджи с недоумением наклоняет голову.

— Я впервые почувствовала твой зов. Единственный выбор, который я сделала, - это ответить на него.

— Это мне ни о чем не говорит.

Не многие Хранители говорили о таинстве того, что послужило причиной их благословения, но те, кто говорил, утверждали, что их Посланники, похоже, даже не понимают сути вопроса. Значит, вот что они имели в виду.

— Потому что я узнала о тебе, Лиадэйн. Я познала и полюбила тебя с того самого момента, как почувствовала твою волю. Ничто из того, что я могу сделать, не изменит прошлого, и ничто из того, что я скажу, не оправдает ту жизнь, которую ты вела до сих пор. Все, что я могу дать тебе, - это слово, что то, что будет дальше, может быть другим. Оно будет другим, если ты примешь то, что принадлежит тебе.

— Не говори о том, что понимаешь меня. Кем бы ты ни была, что бы ты ни видела или не видела обо мне, ты ждала... ты, сидела и ждала, только для того чтобы сказать мне это, когда я сдамся? Откажусь от всего? Единственное в чем я уверена, если это ты и имела в виду, так это в том, что ты должна знать, что у меня нет ничего! Ни жизни! Ни будущего! Только годы, которые я потратила на то, чтобы примириться с собой, а теперь, теперь ты не даешь мне даже этого!

Что я делаю? Неужели так давно не происходило ничего хорошего, что я разучилась принимать это, когда оно происходит?

Я разрыдалась, срываясь на удушливые, противные всхлипы.

Лицо Вьюджи поникло, отяжелев от каких-то непередаваемых эмоций.

— Мне жаль, что это не произошло раньше. Воистину, сожалею. Это чудовищно, что мир отказал тебе в месте в нем, просто за то, что ты родилась. Я не буду пытаться оправдать это, потому что это невозможно, — ее взгляд встретился с моим. Что это в ее глазах? Боль? Раскаяние? Еще больше жалости? — Но я все еще могу помочь тебе найти место для себя.

— Пожалуйста... пожалуйста, уходи, — мне все равно, что она обещает. Я не могу больше вынести, пока она так стоит и смотрит на меня.

Посланница нахмурилась. Еще на одно мгновение она молча смотрела на меня, не моргая.

— Я не могу выбирать за тебя и не буду осуждать твое решение, но ты уверена?

— Да. Нет. То есть, это не значит "нет", или "уйди отсюда и никогда не возвращайся", просто... мне нужно подумать. В одиночестве. Я должна ответить прямо сейчас?

Вьюджи, наконец, отводит от меня взгляд - и это очень маленькая милость. Она подносит руку с цветком к подбородку и задумчиво смотрит в потолок. Наступает пауза, достаточно долгая, чтобы я начала бояться, что все испортила, но потом...

— Нет. Иногда такие вещи требуют более деликатного подхода, но в твоём случае это открытое предложение. Замечу, что тебе даже не нужно давать Обещание защищать себя или этих людей, если ты этого не хочешь. Если ты позвонишь в экстренные службы и скажешь, что только что заметила Предвестника, то вскоре кто-нибудь придет и разберется с этим. Пока ситуация не выглядит критической. Тем не менее, если его оставить в покое, оно будет питаться и расти, пока не станет таковым. У меня нет возможности предсказать, сколько времени это займет, поэтому я предлагаю тебе сделать свой выбор как можно скорее.

— Хорошо. Я не думаю, что это займет много времени, я... я просто очень устала. А Предвестник вернется, как только ты уйдешь?

— Думаю, он будет искать более уединенное место, но это не исключено. Учитывая это, я хотела бы вести удаленное наблюдение за этим этажом. Если тебе нужно время, чтобы сделать выбор, то даю слово, что если мне не потребуется вмешаться, чтобы защитить тебя от чего-то, я оставлю тебя одну, пока ты не позовешь меня обратно. Это приемлемо?

Мой желудок скручивается лишь от мысли, что эта грязь просочится сквозь щель в двери моей комнаты, пока я сплю, и поднимется вверх, чтобы излиться на меня. Мои нос, глаза и язык жжет при воспоминании о его запахе. Прикосновение к нему, наверное, обожгло бы мне кожу. У меня перехватило горло, когда в мозгу против моей воли возник образ: этот омут заглатывает меня целиком и, растворив мою плоть, оставляет лишь гниющие кости и волосы, которые, забивая слив, унесутся в сточные воды вместе с запачканными останками Пёрл.

У меня такое ощущение, будто сердце болтается прямо над ямой, вырытой в груди, и стоит Вьюджи уйти, как оно сорвется с аорты, словно виноград с дерева, и рухнет в пустоту, увлекая за собой остаток ночи в спирали содрогавшегося ужаса, пока я трушусь под одеялом, молясь, чтобы чудовище не добралось до меня до наступления утра.

Постой-ка, неверно.

Виноград не растет на деревьях. Они растут на лозах, верно?

Но я могу поклясться, что видела виноградное дерево однажды, во время школьной экскурсии, на которой мне хватило здоровья. Так что, может быть, они и существуют. Просто я... не знаю.

И я понимаю, как странно, что о кровеносных сосудах, связанных с моим сердцем, я знаю больше, чем о винограде.

И то, что происходит сейчас, будет происходить всегда.

И я ненавижу это больше всего на свете.

Я ненавижу тот факт, что в данный момент я настолько истощена, что почти не могу бояться, ведь если я все равно умру и мне нечего будет оставить после себя, то какая разница, убьет ли меня сегодня Предвестник или же моя собственная бестолковая кровь на следующей неделе? Факт в том, что я здесь, на седьмом этаже, именно потому, что для меня все уже кончено.

Я ненавижу это.

Ненавижу настолько, что челюсть сжимается, а ногти впиваются в ладони так сильно, что становится больно. И, даже не задумываясь, я поднимаю один из своих сжатых в шар кулаков, вкладываю в него всю силу своего маленького тела и бью им в дверь, на которую опираюсь, снова, снова и снова, пока сидящая напротив меня Посланница просто смотрит на это, не говоря ни слова. С этими тремя ударами моя бессмысленная истерика закончилась, потому что этого хватило, чтобы я запыхался настолько, что мне стало трудно говорить. Это действительно все, на что меня хватило.

— Хорошо, пусть будет так, — наконец говорю я, переведя дыхание. — Я даже не хочу думать о том, что такая возможность случится. Только не сиди прямо здесь и не смотри, как я сплю, или что-то в этом роде.

Часть меня думает, что это станет последней злой шуткой, если меня съедят или я умру в постели, как только окончится эта встреча. Если она желает пресечь хотя бы одну из этих возможностей, я соглашусь.

— Спасибо. Спи спокойно, Лиадэйн... ах, так спокойно, насколько это возможно в таких обстоятельствах. Надеюсь, мы скоро увидимся, — она поднимает руку, раскрывает лепестки на ее конце и прощально машет рукой. А затем уходит - просто исчезает, бесследно растворяется в воздухе. В тот же миг комната светлеет, теряя странный голубоватый оттенок.

Я укладываю Пёрл, но пока не присоединяюсь к ней. Окна моей комнаты выходят на восток, в сторону города. Он мне нравится больше, чем цветочные поля на другой стороне, но не настолько, чтобы я проводил много времени, наслаждаясь этим видом. Но после сегодняшнего вечера мне хочется посмотреть на мир за пределами седьмого этажа, на мир, в котором у меня, возможно, еще есть будущее.

В этот час большая часть Нью-Клариса освещена только луной и звездами. Ночное освещение немногочисленно и строго выверено - думаю, так уже почти везде, но наш город совсем недавно был перестроен с конкретной целью быть бережным к планете. Несколько

разрозненных комнат в небоскребах еще светятся, несколько домов еще работают. Главные дороги прочерчены тонкими шлейфами экосвета, тонкие огоньки бросаются на ряды светоотражающих деревьев и кустарников, а тротуары и закоулки помигивают маленькими фонарями, реагирующими на движение.

Отсюда не видно никого, но я могу проследить их шаги по огням, которые освещают их путь и исчезают, когда они идут дальше. Наблюдая за ними, я думаю о тех, кто еще принадлежит этому миру. В основном я думаю о Хранителях, патрулирующих город, и о том, что значит быть одной из них.

Время от времени я мечтала об этом. Конечно, мечтала. Каждый человек в детстве хотя бы немного надеялся на тот день, когда он встретит Посланника, но пока другие дети рисовали эскизы своих костюмов, я изучала информацию. Я узнала, как редко наступает этот день. Лишь очень немногие дети были выбраны, и не было никакой возможности подготовиться или натренироваться, чтобы стать Хранителем, поскольку никто не знал, что именно ищут Посланники.

Какими бы ни были условия, я сомневалась, что когда-нибудь встречу их. Я не была ни героем, ни святой, ни величайшим человеком в любом смысле. Важнее всех этих фактов и закономерностей было то, что я знала, насколько болезненной может быть надежда, если принять что-то за нее. Поэтому я научилась не надеяться. Я похоронила свои мечты, тихо ненавидя мир, который не позволял мне иметь даже самые маленькие из них. Я жила с верой в то, что пока я ничего не жду, ничто не может меня разочаровать.

Похоже, я сильно ошибалась. Жизнь всегда искала способы нарушить мои планы.

О, Вьюджи пообещала мир в обмен на горький покой, который она украла, но не все так просто. После принятия Обещания Хранители не стареют ни на один день, но их дальнейшие изменения... непредсказуемы. Некоторые из них могут стать намного сильнее и выносливее обычного человека, но так не будет продолжаться вечно, если только их не ждет Проявление. Чтобы по-настоящему, полностью переписать себя с помощью магии, нужна большая сила, чем та, которую дает Обещание, а эту силу можно взять только у Предвестников.

Думая об этих кошмарах и героях, которые на них охотятся, я задаюсь вопросом, не бродит ли в ночи Предвестник, который чуть не убил меня, преследуя кого-то еще или ища себе новый дом.

Точно. Предвестник.

Я задергиваю шторы и распахиваю дверь, выглядывая в коридор. Никаких признаков того, что что-то поджидало меня снаружи. Медленно крадась вдоль стены, я заглянула за угол, чтобы взглянуть на дверь в бывшую комнату мистера Энфилда. По крайней мере, на данный момент это просто дверь, и я вздыхаю с облегчением при виде ее. Удовлетворенная, во всяком случае, настолько, насколько это возможно, я нахожу одну из пустующих в данный момент общественных комнат с установленным телефоном. Полиция ничего не может сделать с

Предвестником, но она передаст его кому-нибудь, кто сможет.

Но когда я взяла трубку, в памяти всплыли последние слова Вьюджи. Я слишком мертва, чтобы задумываться о том, что хочу сделать, но я еще не решила отказаться от Обещания. Если я соглашусь, то призыв о помощи прямо сейчас создаст некоторые проблемы. Кто-то еще будет преследовать единственную нить, которая у меня есть, охотиться на моем заднем дворе, где возможно почувствует нового Хранителя и проследит за мной до больницы, в общем, сделает мою жизнь намного сложнее.

Кроме того, есть еще и Хранители, патрулирующие определенные участки города, на которые они претендовали или к которым были приписаны, но, честно говоря, я просто... не хочу иметь дело с другими людьми, если это возможно.

Когда я думаю об этом, это звучит очень неблагоприятно по отношению к избранным детям, которые, вероятно, уберегли меня от множества бедствий, о которых я так и не узнала, но что есть, то есть.

Я позвоню завтра утром, если решу отказать Вьюджи, но сейчас я действительно слишком устала для всего этого. Я вернулась в свою комнату, упала на кровать и постаралась заснуть, не обращая внимания на свои мысли.

~~~

Как обычно, я просыпаюсь от того, что солнце светит мне в глаза сквозь просвечивающие небесно-голубые шторы. Сразу после переезда я попросила заменить их на затемненные. Не заменили. Говорят, что солнечный свет полезен для организма во всех смыслах, - как будто это меня спасет.

Я переворачиваюсь на спину и собираю вокруг головы столько одеяла, сколько могу, но так, чтобы при этом не задохнуться. Я ни разу не смогла заснуть, когда это случалось, но все равно не оставляла попыток. В конце концов, кто-то стучится в мою дверь, а затем распахивает ее, когда я не отвечаю. Это одна из медсестер, пришедшая измерить мои показатели после вчерашней инфузии[1]. Я вытаскиваю себя из своего гнезда, пока что сдерживая свои протесты.

— Доктор Хайнс уже здесь? — спрашиваю я, пока она тычет термометром мне в ухо.

— Хм? А, кажется, его сегодня не будет. Тебе что-то нужно?

— Нет, у меня просто возник странный вопрос. Это может подождать, не волнуйтесь об этом.

Не думаю, что Обещание само по себе меня вылечит, но я не уверена, что точно не вылечит, быть может, оно все же как-то поможет. Что ж. Все равно я еще не решила, как затронуть эту

тему... а вообще обычные врачи занимаются лечением специфических для Хранителей заболеваний? Понятия не имею. Наверное, никогда не было Хранителя с тем, что есть у меня, так что вряд ли даже эксперты знают, что делать..

Медсестра закончила раньше обычного. Я еще немного посидел в постели после ее ухода. Почему я вообще хотела это спросить? Если холодное смирение моих страданий - это струпья на моих ранах, то ковыряние в них - это п вынашивать подобные мысли, разве не так?

Я кладу Пёрл на подушку и заставляю себя встать с постели, чтобы приступить к утренней рутине. Одевшись, приняв небольшую гору таблеток и расчесав лес спутанных волос, я вытаскиваю первую карту дня из своей колоды Таро - простое однокарточное гадание. Шестерка пентаклей из моей личной колоды все еще находится в изгнании, где она будет находиться до тех пор, пока я не перестану ее ненавидеть. Возможно, это произойдет нескоро.

Солнце[2]. Рассвет в темную ночь. Просветление, если так угодно, или предзнаменование грядущего выздоровления.

При всем том, что раньше я свысока относилась к ребяческим надеждам других детей, однажды, давным-давно, я попыталась нарисовать свой костюм. Художник из меня никакой, так что в итоге ничего не получилось, но я пыталась.

Я снова срываюсь, на этот раз в дикий, неконтролируемый смех. Может быть, кто-то снаружи слышит и думает, что я сошла с ума, но мне все равно. Смех начал стихать, когда стала нарастать боль, но тут меня осенила другая мысль - я ненавижу солнце. Ни одно из значений в книгах таро не совпадает с тем, что я в нем нахожу, и у меня нет никаких реальных причин воспринимать его как хорошее предзнаменование. Но вместо того чтобы испортить мне настроение, это лишь вызывает новый прилив смеха.

Когда боль в боках проходит, я вытираю глаза рукавом, встаю и обращаюсь к окну:

— Ты ведь не приснилась мне, Вьюджи? Если ты еще здесь, я готова поговорить.

— С радостью подтверждаю, что это не так, — как только я услышала эти слова, рядом со мной без предупреждения и фанфар появляется Посланница. — Как ты поживаешь сегодня, Лиадэйн?

— Ты не очень-то похожа на других Посланников, да? — спрашиваю я. Я смутно помнила имя Вьюджи, когда она впервые назвала его, так что, должно быть, я его где-то слышала, но ничего конкретного о ней я не помню. Магазины полны товаров Посланников, плюшевых игрушек и талисманов, которые, как говорят, сделаны по их образу и подобию. Энне, самый популярный из шести, - это, по-видимому, какое-то пушистое розовое облако-животное. На рисунках Хранителей или в их описаниях он изображен в виде круглого лохматого комочка шерсти с большими темными щенячьими глазами, двумя передними тюленьими лапами, но без задних конечностей, и без видимого рта под блестящим черным носом. На полках рядом с ним никогда не стоят маленькие плюшевые рыбки.

Вьюджи хмуро осмотрела себя.

— Тебе понравится, если я стану такой?

Честно говоря, в ней ощущается больше искренности, чем при общении с Богиней через плюшевое животное.

— ...Нет, наверное, нет.

— Я тоже так думаю. Иначе ты бы увидела одного из моих братьев и сестер. Мы такие, какими нас хотят видеть наши дети.

— Неужели все, к кому ты обращаешься, видят другую Вьюджи? — и если да, то что она... ну, она говорит обо мне?

— Моим детям нужно, чтобы я была искренней.

— ...Верно. В любом случае, мне уже лучше, кажется. Более или менее. И мне... жаль, что я...

— Не извиняйся передо мной. Никогда, — она пренебрежительно махнула рукой. — Я пришла сюда ради тебя. Я существую для тебя и для таких детей, как ты. Тебе нужно было высказать мне что-то, и ты это сделала. Надеюсь, это помогло тебе собраться с мыслями, но в любом случае, тебе не за что извиняться.

— Ну, если ты так говоришь, то ладно. Я запомню это. В любом случае, у меня, возможно, есть что-то, что тебе понравится больше, — я делаю тяжелый, успокаивающий вздох. — Обещание. Если, и только если я захочу его дать, то как это работает?

— К этому есть свой подход, но он довольно прост. Как только потенциальный Хранитель поймет условия Обещания, все, что ему нужно сделать, — это принять их по собственной воле, — в ее мысленном голосе неожиданно появилась теплота. Она скрыта, но в ней определенно звучит что-то похожее на счастье.

— Эти условия тоже просты. От имени Клаэйши я обязуюсь способствовать твоему росту как Хранителя и направлять тебя в твоей новой жизни, используя все знания, которые я могу предложить. Ты же обязуешься принять и взрастить магию, спящую в твоей душе. Если ты примешь ее, ты вольна делать с ней так, как пожелаешь.

— Правда? Хранители просто берут всю эту силу и используют ее для... чего угодно?

— Все, что пожелаешь. Магия Хранителя принадлежит им, и только им. Все, что мы делаем, это открываем дверь, и все, что мы просим, это чтобы ты использовала то, что выходит через

нее.

— Хорошо. В таком случае, расскажи мне о Проявлении.

— А. Конечно, — Вьюджи слегка улыбается.

Хранители перестают стареть с момента принятия Обещания, но не перестают меняться. Религиозные люди говорят, что магия "формирует сосуд Хранителя для наилучшего выражения внутренних истин его души", и независимо от того, так ли это на самом деле, она накладывает отпечаток на своих пользователей. Начинается все с малого - может быть, волосы перекрашиваются или глаза начинают светиться силой, но если прожить достаточно долго, то все может стать очень странным. Ледяное Солнце Айона Фианата, старший Хранитель города и герой-основатель, имеет ледяные глаза и пузырь бесконечной зимы, который следует за ней, куда бы она ни пошла.

Но все это меня не волнует. Важно то, что происходит под верхним слоем.

— Роль Хранителя в этом мире - защищать его от Предвестников. Ничто не обязывает их к этому, но большинство находит для этого свои собственные причины. Среди них часто встречается стремление к Проявлению. Павший Предвестник не уничтожается полностью - что-то остается от его сердца, и нехорошо, если это что-то задерживается и витает в мире. Хранитель может забрать эту сущность, очистить ее в себе и вернуть ее силу в себя.

— Проявление - это созревание души, процесс, в ходе которого Хранитель растет вместе со своей силой. Как и всякая магия, эмоции и желания владельца придают ей форму. При правильном подходе Хранитель может управлять своим развитием. Переделывать себя, чтобы лучше соответствовать своим потребностям.

— Значит... если я хочу, скажем, идеальное здоровье или полное бессмертие, то, поглотив достаточное количество Предвестников, я смогу это получить?

— Я не могу точно предсказать, каким может быть твой путь, но если это твое самое заветное желание, то твоя магия создаст способ, который позволит тебе существовать вечно, — говорит она без колебаний.

Я бросаю взгляд через ее плечо на бутылочки с таблетками, стоящие на моей тумбочке. Что бы я ни говорила, честно говоря, трудно удержаться от того, чтобы сразу не согласиться на сделку.

— ...Хорошо. Отлично. Сколько примерно Предвестников нужно?

Вьюджи слегка покачивает головой. Она почти не двигается во время разговора, ни малейшего жеста, дерганья или заметного дыхания, так что любое ее движение выделяется.

— Магия не так уж однозначна и предсказуема. Предвестники бывают разных размеров, и метаморфоза - это путь, по которому ты идешь, а не один рубеж, который ты в конце концов пересекаешь. Каждый шаг приближает тебя, но нет надежного способа сказать, насколько длинным будет путь к цели. Прости.

— А, и иногда Хранитель желает... слишком многого, что не может быть достигнуто только через Проявление. В таких случаях мы можем заключить особое соглашение. Это случается нечасто, но важно, чтобы ты знала о существовании такой возможности.

— Нужно ли мне будет использовать это для того, что я хочу? — я слышала о чем-то подобном. Я не знаю, как это работает, но чудеса, меняющие весь мир, достаточно редки, и в календаре Церкви они используются для разграничения эпох. Текущий год - Кури 74.

— Нет, — просто ответила Вьюджи.

— Тогда я пока не буду об этом беспокоиться. Что еще?

— Это все. Таковы полные условия Обещания между Клаэйшей и ее детьми. Ты, Лиадэйн Шил, теперь являешься ее частью. Ты, Лиадэйн Шил, теперь являешься ее частью. Ах, это не входит в условия, но еще кое-что... — ее и так тихая речь стихает, мрачнеет. Я готовлюсь к тому, что меня ждет подвох.

— Первые шаги Хранителя всегда... трудны. У всех они разные, так что, боюсь, я не могу сказать, как тебе подготовиться, но я, по крайней мере, считаю, что ты заслуживаешь знать об этом до того, как это случится. Если, конечно, вы решишь, чтобы это произошло.

— Зная все, что ты узнала, принимаешь ли ты это Обещание?

Я нахмурилась. Конечно, ничего не бывает просто, но, в конце концов, это ничего не меняет. Если подумать, то, наверное, не было никаких шансов, что я откажусь.

Может быть, это и есть часть того, что делает людей Хранителями.

— Да.

Выражение лица Вьюджи становится очень теплым - почти материнским, или мне так кажется.

— Тогда добро пожаловать в этот мир, Лиадэйн.

Когда она произносит мое имя, меня пронзает не боль. Это даже не чувство, или, может быть, у меня просто не хватает органов чувств для его восприятия, но я просто знаю, что оно есть. У меня было достаточно времени, чтобы растеряться, прежде чем оно разорвало меня, вырвалось

изнутри, как птица, раскалывающая скорлупу, или как рождающаяся звезда, как будто никогда не существовало другой "меня", что сдерживало все это в себе.

Примечание:

1. Инфузионная терапия – метод лечения, основанный на введении в кровоток различных растворов определённого объёма и концентрации, с целью коррекции патологических потерь организма или их предотвращения.

2. Солнце – 19-й старший аркан в таро. В данный период времени ваша жизнь особенно прекрасна, а солнце светит вам, пока вы достигаете поставленных целей.

<http://tl.rulate.ru/book/88302/3461592>